

Русское издание · Эссе

Когда благо остаётся, а благодать уходит

О благодарности, которая хранит дар, и о самоотчёте, который не превращает чужую беду в обвинение

Автор: Safwan AlModhayan · Опубликовано 10 октября 2026 года

Вода, свет и оливковая ветвь · образная иллюстрация, созданная с помощью ИИ

<https://isafwan.com/ru/personal/faith/keeping-blessings/>

Размышление о благе как о вверенном даре, благодарность за который проявляется в том, как им пользуются; и о последствиях греха как поводе судить себя, а не объяснять несчастья других.

Благо не получает постоянной прописки

Ибн аль-Каййим спрашивает: «Разве какое-либо благо уходило от человека иначе, чем из-за пагубы его послушания?» Абу Нуайм передаёт слова аль-Фудайля ибн Ияда: «Я ослушиваюсь Аллаха и узнаю это по нраву моего осла и моего слуги». Ни одно из этих высказываний не даёт нам права объяснять всякую перемену в чужой жизни и объявлять каждое испытание прямой расплатой за определённый грех. Их ближайший смысл обращён внутрь: верующий замечает, что его поступки делают с ним и с его жизнью, и не сводит последствия греха к наказанию с ясно напечатанным заголовком.

Грех может отбрасывать тень, которую не измеришь привычными величинами: душе становится теснее, содействие свыше ускользает, отношения теряют часть своей мягкости. Сам дар ещё на месте, но в нём убыло нечто невидимое — барака, то есть благословенная полнота, польза и добро, заключённые в даре. Такое наблюдение человек направляет на себя: это дверь к покаянию и внутренней собранности, а не щель, через которую можно подсматривать тайны чужой судьбы.

Одно из самых занятных наших заблуждений — считать, будто полученное благо уже никуда не денется. Зарплата поступила на счёт и словно стала частью местного ландшафта. Здоровье обосновалось в теле и будто подписало с нами пакт о ненападении. Любовь поселилась в сердце — значит, ей автоматически выдан вид на жительство. А долгое Божье укрытие от последствий ошибок мы понемногу начинаем принимать не за возобновляемую милость, а за приобретённое право.

Мы отлично считаем блага, когда они приходят, и куда хуже думаем о том, что помогает им оставаться. Мы долго просим прибавления, а затем обращаемся с уже данным так, будто оно не нуждается в бережности. Поэтому вопрос Ибн аль-Каййима пугает ровно настолько, насколько пробуждает: он связывает то, что мы делаем втайне, с тем, во что превращается наша внутренняя жизнь, и предлагает сначала спросить о наших отношениях с даром, а уже потом — о его размере.

Потеря, которой нет в банковской выписке

Грех не всегда приходит с молотком и разбивает благо у нас на глазах. Его действие может быть тоньше. Деньги остаются, но приносят меньше добра. Дом стоит, но покой в нём редет. Работа никуда не делась, однако всё труднее складывается то, что прежде удавалось. Тело служит, но прежняя лёгкость здоровья уже не сопровождает каждый день. Знание хранится в памяти, а в нужную минуту человек не умеет извлечь из него пользу.

Потеря не всегда означает, что у тебя что-то отняли. Иногда страшнее, когда вещь остаётся в руках, но уже не даёт душе того, ради чего была дана. Банк не присылает уведомления: «На этой неделе барака вашей зарплаты уменьшилась вследствие нравственного сбоя». Приложение здоровья не сообщает, что показатель внутреннего покоя упал из-за греха, в котором мы не раскаялись. Самое значительное в жизни часто совершается без звука; так же бесшумно оно порой и слабеет.

Слова [аята 8:53](#) можно передать по смыслу так: «Аллах не меняет благодеяния, которым Он одарил людей, пока они не изменят того, что в них самих. Поистине, Аллах — Слышащий, Знающий». Аят не позволяет исключить внутреннюю жизнь из размышления о перемене благ: какие ценности изменились? какое послушание уступило место ослушанию? Но он не отменяет материальных причин и не даёт нам формулы, по которой всякая личная утрата выводится из известного нам проступка.

В начале греха человек не просит о разорении. Ему хочется мимолётного удовольствия, лишней прибыли, маленькой победы самолюбия, фразы, которая утолит гнев, или взгляда, о котором, как ему кажется, никто не узнает. Но огонь тоже не начинает с намерения поглотить лес. Ему достаточно одной спички; дальше, если его вовремя не остановить, действует уже порядок причин и следствий.

Спичка и отдел маркетинга

В «Бадаи аль-фаваид» Ибн аль-Каййим сравнивает грехи с ядами: в них может соединиться то, что нравится душе, с тем, что ведёт к боли. В этом и трудность. Будь грех отвратителен с первой секунды, наставлений понадобилось бы гораздо меньше. Но яд умеет являться в привлекательной упаковке. Ростовщичество обещает прибыль, ложь — спасение, злословие — развлечение, высокомерие — вес, зависть — удобное объяснение собственных неудач, а откладывание покаяния — долгую жизнь, договора на которую нам никто не выдавал.

Почти у каждого греха превосходный отдел маркетинга; побочные эффекты прячутся мелким шрифтом на тридцать седьмой странице. Когда жизнь меняется, мы охотно перебираем все причины, кроме себя. Сократился достаток — читаем о мировой экономике. В доме стало тревожно — изучаем типы личности. Исчез душевный покой — скачиваем приложение для медитации. Дела не идут — переставляем стол. Всё это может быть уместно и полезно. Но проверка останется неполной, пока в ней нет более трудного вопроса: что изменил я сам?

Этот вопрос не требует отказаться от медицины, экономики или психологии. Он также не предлагает считать каждую поломку автомобиля возмездием за грех, совершённый во вторник вечером. Он лишь возвращает человеку его нравственную долю ответственности внутри сложной сети причин. Не обидел ли я кого-то? Не задержал ли

чужое право? Не проявил ли беспечность в сомнительном заработке? Не позволил ли языку рвать чужую честь? Не употребил ли данное мне благо так, что сам стал его портить?

Самоотчёт — не толкование судьбы

Есть различие, которое нельзя терять: одно дело — судить самого себя, другое — судить ближнего. В откровении беда не служит автоматическим признаком гнева Аллаха. В достоверном хадисе смысл слов Пророка ﷺ передаётся так: сильнее всего испытываются пророки, затем лучшие после них и следующие за ними. Испытание может возвышать, очищать, проверять или быть милостью, чей облик откроется не сразу. Поэтому никто не вправе смотреть на чужое несчастье и подбирать к нему подходящий грех, словно он следователь при канцелярии предопределения.

И всё же нельзя делать вид, будто поступок совсем не касается жизни того, кто его совершил. Слова аята 42:30 можно передать по смыслу так: «Какое бы несчастье ни постигло вас, оно — за то, что приобрели ваши руки; и многое Он прощает». Аят пробуждает самоотчёт, а его окончание одновременно удерживает от отчаяния и самодовольства: «и многое Он прощает». Мы живём в огромном пространстве прощения, под покровом, глубины которого не знаем, и пользуемся уделом не потому, что наши дела сполна за него заплатили.

Поэтому честному вопросу место в сердце, когда человек остаётся наедине с собой: совершает омовение, садится перед Аллахом и спрашивает, что в нём нуждается в исправлении. Если же он выходит из этого уединения со списком, объясняющим другим, почему они заболели, обеднели или потеряли близких, значит, он упустил смысл самоотчёта и превратил его в жестокость. Чужая беда требует участия и милости, а не нашего самоназначенного приговора.

Благодарность сначала совершают, потом произносят

Послушание — не только книга добрых дел на будущее; оно ещё и охрана настоящего. Молитва охраняет. Милостыня охраняет. Опушенный взгляд охраняет. Добро к родителям охраняет. Отказ от сомнительных денег охраняет. Просьба о прощении охраняет. Вернуть право человеку, который не знает, что ты его присвоил; удержать фразу, способную ранить чужую репутацию; закрыть экран, потому что Аллах тебя видит, — всё это ограда вокруг того, что тебе доверено.

Вот почему благодарность шире слов «хвала Аллаху», произнесённых языком, пока сам дар используется в противоположную сторону. В человеке есть удивительная способность благодарить Бога за деньги и тут же ослушиваться Его посредством денег; благодарить за здоровье и делать здоровье средством запретного; благодарить за ум и

применять его для обмана; благодарить за язык и весь вечер разбирать им чужую честь. Это похоже на благодарность за подаренный автомобиль, на котором получатель едет разрушать дом дарителя.

Слова аята 34:13 можно передать по смыслу так: «Трудитесь, род Дауда, в благодарность. Но мало среди Моих рабов по-настоящему благодарных». Благодарность здесь становится делом, потому что у благ есть язык, который одними словами не выразить. Язык дара — то, как мы им пользуемся. Благодарный взгляд знает, куда ему не следует смотреть. Благодарные деньги знают дорогу к дозволенному и к милостыне. Благодарное знание рождает богобоязненность, а не самомнение. При благодарной власти слабый не боится несправедливости сильного; при благодарной силе он чувствует защиту, а не угрозу.

С этой точки зрения грех тяжелее отвлечённого нарушения правила: иногда он означает, что человек обращает Божий дар против воли Дарующего. Аллах даёт язык — и человек ослушивается языком; даёт имущество — и человек ослушивается имуществом; даёт зрение — и человек ослушивается зрением; укрывает его от людских глаз — и первым делом в этом уединении человек забывает о Божьем взоре. А затем мы удивляемся, что прекрасные вещи в нашей жизни утрачивают часть своего света.

Страх за то, что любишь

Возможно, рядом с вопросом «как мне это досталось?» должен стоять другой: как исполнить право этого дара и чего избегать, чтобы самому его не испортить? Человек может двадцать лет строить что-то, а сжечь за двадцать минут. Репутация создавалась десятилетиями — и рухнула из-за одного сообщения. Семья складывалась годами — и была разбита изменой. Состояние собирали целую жизнь — и его съела алчность. Знание берегли в памяти — и его испортило высокомерие. Любовь росла из множества поступков — и погибла от мелкого презрения, повторённого столько раз, что в сердце уже не осталось места для ремонта.

Большая потеря не всегда требует одной большой причины. Иногда малая причина повторяется, пока не становится судьбой. Поэтому праведные предшественники боялись греха так, как человек боится за любимое. Покаяние было для них не только бегством от наказания. Они боялись лишиться сладости молитвенного обращения, потерять привычное содействие Аллаха или оказаться предоставленными самим себе.

Быть оставленным на собственный ум, планы, связи, силу и безупречно точные расчёты — испытание, которого не замечают камеры. Все средства могут быть в руках, а недостаёт только тауфика — дарованной Богом помощи, благодаря которой дело складывается верно. Когда тауфик уходит, блестящий ум иногда становится всего лишь изощрённым способом принять неправильное решение.

Потому тайное покаяние — одно из прекраснейших действий, с которыми можно надеяться на сохранение благ: оставить давний грех, избавиться от сомнительных денег, первым пойти на примирение, вернуть право, попросить прощения за причинённую несправедливость, навсегда закрыть дверь, через которую входил в ослушание. Люди могут не увидеть связи между этими поступками и тем, за что мы тревожимся. Но наше знание причин ограничено, а Аллах знает всю их сеть. Мы принимаем доступные земные меры и исправляем отношения с Ним, не заявляя, будто постигли Его мудрость или получили гарантию определённого исхода. Покаяние — не сделка, обязывающая Бога сохранить конкретное имущество, здоровье или отношения.

Чтобы благо оставалось благом

Возможно, богатство стоит определить заново. Богат не только тот, у кого много благ, но и тот, чьи блага остаются благами. Чего стоят деньги, если они крадут сон? Чего стоит известность, если она крадёт сердце? Чего стоит успех, если из-за него ты становишься худшим человеком из всех, кого знаешь? Чего стоит роскошный дом, если Бога в нём вспоминают лишь на табличке у входа? Беда не только в том, что вещи можно потерять. Ещё страшнее, когда само благо в наших руках превращается в свидетельство против нас.

Одно из самых разумных действий человека, которому нравится его жизнь, — беречь её послушанием Богу. Это не паника, а страх любви: так несут обеими руками редкий сосуд и идут тише, потому что знают цену ноши. С благами нам тоже полезно идти чуть тише: приглушить шум собственной заслуженности и перестать обращаться с Божьими дарами так, будто мы вырвали их у мира одной лишь своей компетентностью. Сколько людей умнее нас не получили того, что получили мы; сколько трудолюбивых стояли перед дверью, которая открылась нам.

Благу нужна не только радость — ему нужны хорошие манеры. Они начинаются с того, что мы узнаём Дарующего, используем дар угодным Ему образом и возвращаемся к Нему, когда оступаемся. Ибн аль-Каййим пишет — по смыслу арабского текста: «Ничто не хранит благо Аллаха так, как послушание Ему, и ничто не умножает его так, как благодарность». Это не проповедь, призванная напугать жизнью. Это приглашение любить её, не становясь её рабом: радоваться данному, благодарить Дарующего, просить прощения за ошибку и не откладывать возвращение, потому что мы не знаем, какое из благ в нашем доме прямо сейчас укрыто Божьим прощением.

Нам не всегда нужно новое благо. Иногда достаточно перестать сжигать прежние. Пожалуй, одна из горьких форм бедности — поднимать ночью руки и просить: «Господи, прибавь мне», тогда как наше обращение со всем уже данным говорит ему одно: «Уходи».